

В наши времена

Знакомый священник рассказывал мне, какое было настроение нынче летом в деревне у идущих на войну, и называл это настроение «святым». Радостная готовность, мужество, серьезность, простота и никакой злобы. Вот это отсутствие злобы, ненависти или презрения к врагу особенно потрясло рассказчика, умиляло его.

Все, возвращающиеся сейчас с полей битв, действительно соприкоснувшиеся с нашим воюющим народом, говорят о том же: умирая, побеждая — народ беззлобен и прост. О простоте и особом, отнюдь не ненавистническом или презрительном, отношении русских к врагу говорил и Л. Толстой в «Войне и Мире»; в этих именно свойствах духа видел он одно из верных обещаний победы. И разве не так?

Но есть, оказывается, люди, которые «святых» сторон русского духа не понимают. Думают, что тем больше патриотизма, чем больше злобы. И усиленно кричат о своей злобе, о ненависти и презрении к врагу, наивно думая, что в этом они «народны». Но народ знает, что сила не в злобе, а в простоте и правде. Дух России один, в какой бы стадии культурного развития он ни находился. Первичная «простота» развиваясь может преобразиться в душевную тонкость, чуткость, но не переходить в грубое озлобление.

Печать между тем часто его поддерживает. Не стоило бы говорить, если бы дело касалось только одной видной вечерней газеты, которая буквально ни разу не выходит без оформленного доноса на какого-нибудь Ивана Ивановича Мейера, доноса, что он — Мейер, а следовательно... Не стоило бы потому, что слишком давно известна упомянутая газета своей шпионнической деятельностью и антирусским характером. Но вот в Москве издается журнальчик, будто бы «для народа»; можно судить о его содержании, взглянув на одну из страниц последнего номера: стихотворение, состоящее *сплошь только* из ругательных слов, причем «подлец», «мерзавец» и «холуй с хамом» — самые приличные. Скажут, это — улица; тем хуже: журнальчик расходуется в 70 тысячах экземпляров! Даже в больших «прогрессивных» и «левых» газетах сплошь и рядом говорится о вражеских «черепках, раскалывающихся, как орехи», о том, что «Германия — ушат помоев» и т. д. Статьи в спокойном и трезвом тоне «понижают», по мнению редакции, «настроение», а вот такие — повышают.

Но для чего, кому нужно это «настроение» бессмысленной злобы? Одно я знаю: оно не нужно и чуждо драгоценным защитникам нашим, русскому народу, ушедшему на войну с беззлобным, «святым» чувством. Вот если бы автор «помоев» полежал денек-два в окопах или — куда уж! — хоть пошел в госпиталь с любыми ранеными в «козла» поиграть (только смиренно), он, может быть, другим бы духом заразился и на интеллигентские «помои» перестал бы тратить.

Не только дел в России уйма непочатая, — дел неотложных, — но столь же много и слов несказанных, и они тоже сейчас нужны. Однако если дела нужны для России русские, то и слова — русские, идущие из серьезно-настроенной души, — ведь очень серьезны данные времена. Серьезность — еще вовсе не узость. Время обязывает нас вдумчиво и серьезно относиться ко всякому делу, но и военное время отнюдь не ограничивает дел войной. Оно только приумножает их.

Современное крикливое «настроение» наше сбило с толка писателей и литературу, которая частью совсем себя упразднила, частью кинулась в злободневность, а это — тоже в сущности самоупразднение. Толпа требует злободневности, но искусство, всецело отвечающее требованиям толпы, перестает быть искусством. Художник, идущий непременно навстречу толпе, перестает быть художником. Эти банальные истины совестно повторять, но слишком они сейчас забыты. Если в сорокаградусном жару, тут же, на постели, самый гениальный писатель

примется «созидать» психологию человека с жаром в сорок градусов, то ничего, кроме позора, вроде «Позора Германии» г. Дальского, не выйдет. Дальскому, впрочем, эти опыты простительны, ведь он — не только не гениален, но даже вовсе не писатель.

Итак, злободневных произведений *искусства* быть не может. Но тогда поднимается вопрос о существовании искусства вообще в наше острое время. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Что же, я это вполне понимаю. Художник прежде всего — человек и выбирает то дело, к которому его сейчас наиболее влечет, которое ему кажется наиболее подходящим. Оставил перо, взял ружье — просто не мог сделать иначе. Анатолий Франс — не пример. Надо знать этого худенького, доброго, красивого старичка с живыми глазами, тончайшего скептика, в изящной речи которого всегда светится незаметная улыбка, чтобы оценить тон его письма: «...говорят, что мои писанья не нужны... Может быть, это — правда... Ну, что же, сделайте меня солдатом». И пошел делаться, и остался, когда в солдаты его не взяли. Конечно, он будет писать (не «Позор Германии» во всяком случае): ведь раз его служба оказалась не нужна — *вероятно*, нужны его писанья. «Вероятно» — большое утверждение для скептика.

И я не сужу никого, кто действительно *выбирает*, берет на себя дело, которое по совести кажется ему сейчас важнее других. Я сужу безделье, мнящее себя делом; активную праздность, ведущую к роспуску инстинктов, к выдумыванию несуществующих и совсем не русских, по существу, «настроений». Должны же мы это когда-нибудь понять. И тогда естественно возродится искусство. Нет таких времен, когда было бы не нужно нужное дело — творческая работа. Все пути творчества нужны всегда — искусство один из них.

Не суживаясь в злободневность, наша созидательная работа не может все равно быть вне своих времен, вне действительности; но глубина, а не поверхность действительности должна быть захвачена творчеством. Много дел неслеланных, много слов неслеланных. Война пройдет, но Россия останется. Война — великое дело, но Россия шире всякого *одного* дела, ей нужны совокупность и многообразие великих дел.

Антон Крайний
